

DMITRII LUKIANOV

**Роль языковых средств при описании
польско-российских отношений в текстах,
посвященных теме Катыни (на материале
„Газеты Выборча” за период 1989–1999 гг.)**

The role of linguistic means in the description
of Polish-Russian relations in the texts dedicated to the topic
of the Katyn massacre (on the materials of “Gazeta Wyborcza”
in the period of 1989 to 1999)

Abstract. In order to form a certain image, media employ various linguistic means, such as metaphors, comparative structures, etc. Based on the material from “Gazeta Wyborcza” concerning the topic of the Katyn massacre, the present study attempts to reconstruct the image of Polish-Russian relations and decide what role the linguistic means used in the articles play in creating the discussed phenomenon. As a result the author concludes that there are two points of view about Russia presented in “Gazeta Wyborcza”. On the one hand, Russia is a criminal country and a debtor that cannot fulfil its obligations. On the other hand, Russia is a state that is open for cooperation and capable of helping. There are also two different points of view about the Polish-Russian relationships. As stated by some experts, Polish-Russian relations in the analyzed period are characterized as negative. According to the other opinions (prior to the 2022 war), these relations are getting better and perhaps will continue to improve.

Keywords: linguistic means, metaphor, lexeme, Polish-Russian relations, Katyn massacre

Dmitrii Lukianov, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska, dmiluk@amu.edu.pl, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4534-4806>

Роль языковых средств в публицистических текстах заслуживает пристального внимания исследователей. Использование метафор, сравнений, перифраз и других приемов „усиливает прагматический потенциал газетного текста, тем самым создается воздействие на адресата” (Lâpun 102). Одним из самых задействованных приемов, используемых в газетных текстах, является метафора.

Многочисленные исследования, проведенные на тему функционирования метафор в публицистическом стиле, указывают на то, что она является инструментом, позволяющим конструировать действительность под определенным углом зрения. Употребление метафоры становится выгодным для воздействия на сознание реципиента, поскольку ее свойства, основанные на механизме переноса значений из известных сфер деятельности человека на другие, как правило, менее известные, позволяют актуализировать нужные смыслы.

В данной статье мы рассмотрим материалы „Газеты Выборча”, посвященные теме Катюни, за период одного десятилетия (1989–1999 гг.), и на их основании изучим, как структурируется образ польско-российских отношений и какую роль в становлении данного образа играют языковые средства. Это позволит определить в том числе, как может восприниматься образ России в сознании читателей данной газеты.

Само слово *Катюнь* в польском языке обладает ярким коннотативным значением. Катюнь – это страшное преступление, совершенное против польского народа, несправедливость, предательство, кровь, ужас, замалчивание. Кроме того, *Катюнь* может выступать в метонимическом значении „люди, убитые в месте, обозначаемым данным словом”. Именно такие значения слова *Катюнь* являются значимыми и актуальными для носителя польского языка. Вследствие этого образ России структурирован в текстах статей негативно. Для того чтобы выяснить, насколько это предположение является правдивым, перейдем непосредственно к изучению материалов.

Метафора долга/задолженности

В примерах обнаруживается значительное количество метафор. Одной из самых частотных метафор в текстах „Газеты Выборча”, посвященных теме Катюни, является метафора долга/задолженности. Как известно, задолженность возникает при нестабильном финансовом положении, в этой связи употребление метафоры долга может создавать негативные ассоциативные связи: кризис, нелегкое время, недостаток. В свою очередь, такой ассоциативный ряд может характеризовать ситуацию в целом негативно. Кроме того, отрицательные черты могут быть приписаны участникам, которые состоят в долговых обязательствах. В данном случае важно учесть всевозможные актанты. Приведем в пример предложения, в которых моделируется ситуация долговых отношений.

- (1) Nasze uparte *domaganie się prawdy o Katyniu* nie jest dążeniem do odwetu ani też jątżrzeniem.
Jest *splatą długu* wobec *zamordowanych*, którzy sami dzisiaj nic o sobie powiedzieć nie mogą i którzy o swoje prawo dla dobrego imienia się nie upomną. Jest to także *dług* wobec pamięci o krzywdzie Polski.
- (2) Nie należy zapominać, że tak zwana racja polityczna, w imię której przemienialiśmy *Katyni* w tajemnicę, bo jedynie *dług sumienia*, za który *placą* udrękami moralnymi dzieci i wnuki.
- (3) Również wczoraj w gdańskim studiu TVP [telewizja] Lech Wałęsa mówił o stosunkach polsko-rosyjskich: – Przestaliśmy *rozliczać* za *Katyni*.
- (4) Nie należy *wystawiać rachunków* za *Katyni* potomkom ofiar Magadanu.
- (5) Kto komu ile *winien*.
- (6) *Prawda* o *Katyniu* *niezbędna* jest przede wszystkim nam.
- (7) Rosyjskie władze państwowe *nie czynią żadnych przeszkód* w poszukiwaniu polskich grobów na terenie Rosji. *Udzielają w tym wszelkiej pomocy*, podobnie jak i rosyjskie społeczeństwo, zwłaszcza organizacja „Memoriał”, której współtwórcą był Andriej Sacharow.
- (8) Rosjanie nie rozumieją także, dlaczego my *obarczamy ich odpowiedzialnością* za stalinowskie zbrodnie, których najtragiczniejszymi ofiarami były przez kilkadziesiąt lat ich rodziny.
- (9) *Rosjanie chcą uciec od odpowiedzialności* za zbrodnie komunizmu i stalinizmu.
- (10) W tym miejscu, w *Katyniu*, leżą ludzie, którzy bronili dobra. Zostali zabici przez *królestwo zła*, które lękało się ich i wartości, które reprezentowali.

Предикат *dług*, встречаемый в примерах 1 и 2, содержит в себе несколько переменных: „X должен Y отдать Z”; где X – тот, кто обязан/должен, Y – тот, кому должны, Z – то, что должен вернуть X. Рассмотрим, как реализуется данная формула в приведенных примерах. Нужно учесть тот фактор, что долговые обязательства возникают по какой-либо причине, и в связи с этим выделим еще одну переменную. Обозначим ее как Q (то, почему нужно вернуть). В наших примерах роль Q занимает *Kатынь*. Отметим, что в отличие от переменных X, Y, Z переменная Q синтаксически выражена почти во всех случаях. В примерах 1–4 в качестве Q выступает слово *Kатынь* в своем метонимическом значении „люди, убитые в месте, обозначаемым данным словом”. В примере 1 в роли Q уже непосредственно выступает слово *убитые* (*zamordowani*). В связи с тем, что данный актант почти всегда синтаксически выражен, это может свидетельствовать о том, что эта переменная является весьма значимой для авторов приведенных текстов.

Рассмотрим, как в текстах выражается актант Z (то, что должен вернуть X). В прототипической ситуации долговых отношений роль актанта Z могла бы быть занята платежными средствами, например, такими как деньги. В связи с этим обратим внимание на примеры 1, 6–9, в которых роль платежного средства выражена лексемами *prawda*, *pomoc*, *odpowiedzialność*. Важно заметить, что эти лексемы находятся в синтаксической связи со словами *do-*

maganie się, udzielać, obarczać. Как показывают результаты из Национального корпуса польского языка (*Narodowy korpus języka polskiego*), довольно часто с глаголами *domagać się, udzielić, obarczać* сочетаются слова, обозначающие платежные обязательства: *domagać się odszkodowania, nadpłaconych podatków, większych pieniędzy; udzielić pożyczki, kredytu, odszkodowania; obarczać/obarczyć kredytem*.

В свою очередь, это означает, что существительные, вступающие в связь с подобными глаголами, могут восприниматься как платежные обязательства. В нашем случае их роль заменяют, как уже отмечалось, лексемы *prawda, pomoc, odpowiedzialność*. Опираясь на понятия когнитивной метафоры, мы можем констатировать, что в данном случае происходит наложение знаний из области-источника (платежные средства) в область-мишень (правда, помощь, ответственность).

Итак, рассмотрение метафоры долга весьма существенно, поскольку благодаря ее изучению мы выявляем, что в сознании носителей польского языка формируется представление, согласно которому Катень является действием, за которое нужно расплатиться должнику. Такое представление позволяет сконструировать образ должника, обозначенного переменной *X*, отрицательно. Важно отметить, что переменную *X* занимает Россия. Роль должника приписывается российской стороне постольку, поскольку именно она несет ответственность за совершенные преступления. Так, например, в контекстах 8–10 при помощи лексемы *Rosjanie* и словосочетания *królestwo zła* выражается мысль, что именно российская сторона совершила преступление. Употребляя перифразу *królestwo zła*, автор данного контекста передает читателю информацию, что Россия – это страна, отождествляемая, в первую очередь, с чем-то отрицательным. Заметим, что в некоторых случаях актант *X* не всегда синтаксически выражен. В примере 1 мы можем наблюдать, что данный участник вынесен за границы предложения, однако, несмотря на отсутствие формального показателя, читатель так или иначе понимает, что российская сторона является ответственной за преступление, поскольку употребление слова *Katynь* в сознании поляков актуализирует информацию о виновности России по этому делу. Отсюда следует, что долговые обязательства возникают по причине совершенного преступления, в котором участник *Y* (Польша), является жертвой. Такое распределение ролей (Россия – преступник, Польша – жертва) способно укрепить в сознании отрицательное представление о России, а также противопоставить данных участников.

Кроме того, негативный образ России может складываться за счет употребления таких словосочетаний *uciec od odpowiedzialności, domaganie się prawdy, Rosjanie nie rozumieją*, свидетельствующих о том, что Россия не вы-

полняет своих обязательств, то есть не расплачивается за совершенное преступление. Таким образом, благодаря использованию приведенных словосочетаний удастся представить Россию в образе недобросовестного участника долговых отношений.

Важно обратить внимание на то, что образ России не всегда предстает в негативном ключе. Так, например, в предложении 4 значимую роль играет перифраза *potomkowie ofiar Magadanu*, наличие такого образного словосочетания указывает на то, что Россия тоже является пострадавшей стороной. В этом же предложении эксплицитно передана информация, что не следует требовать от России оплаты. Это означает, что Польша не считает Россию виновной или в полной степени виновной. Рассматривая предложение 7, мы отметим, что выстраивается положительное представление о России, поскольку используются такие словосочетания, как *nie czynią żadnych przeskód, udzielają wszelkiej pomocy*. Как видим, предложения 4 и 7 представляют Россию в положительном ракурсе. Таким образом, автор передает читателю мысль о том, что существует другой облик России, который отличается от облика преступника и, кроме того, это две разные непохожие друг на друга стороны России: одна – должник, совершивший преступление, вторая – такая же жертва, как и Польша. К тому же, вторая сторона России может быть помощником, готовым к сотрудничеству.

Метафора болезни

Рассмотрим метафору болезни, которая также используется при описании польско-российских отношений. Данную метафорическую модель мы выделяем за счет использования лексем *bolesny, rana, zatruwać*. Следует заметить, что на тему употребления такой разновидности метафоры имеется достаточно большое количество исследований (Szewczyk; Brożyna-Reczko; Sobieraj; Lâpun). Употребление метафоры болезни необходимо для того, чтобы представить описываемую ситуацию негативно. Так, например, Малгожата Брожина-Речко пишет: „Analizując wyrażenie metaforyczne, w których użyto chorób bądź zaburzeń psychicznych, można zauważyć, że ich główna funkcja polega na wzmocnieniu negatywnego obrazu danej sytuacji, zjawiska czy działania” (Brożyna-Reczko 359). Таким образом, использование слов, связанных с понятиями болезни, необходимо для того, чтобы охарактеризовать отношения между странами как отклоняющиеся от нормы, поскольку, как известно, болезнь в ценностной системе человека „ориентирована вниз” (Lakoff, Džonson 39). Как показывают примеры 11–13, именно катынское преступление здесь осмысливается как болезнь:

- (11) Zbrodnia katyńska była *bolesnym* cierniem w stosunkach polsko-rosyjskich.
- (12) Wracamy dziś do tej zbrodni w jej kolejną rocznicę nie po to, by *rozjątrzać rany*.
- (13) Zbrodnia katyńska *zatrutowała* stosunki polsko-rosyjskie.

Используя данную метафорическую модель, авторы данных текстов, могут создавать представление о том, что польско-российским отношениям свойственно состояние, напоминающее состояние больного человека. Важно, однако, заметить, что глаголы, используемые в предложениях 11 и 13, употреблены в прошедшем времени: *była, zatrutowała*. Это может означать, что так или иначе катынское преступление остается в прошлом и уже не является столь актуальным и существенным в настоящее время, то есть наличие глаголов *być* и *otravlać* в прошедшем времени должно свидетельствовать о плохом состоянии польско-российских отношений в прошлом. Думается, что данные примеры в какой-то степени могут быть доказательством того, что не последнюю роль в проблеме, связанной с катынским преступлением, играет временной фактор. В данном случае прослеживается мысль, что в настоящий момент проблема Катыни для поляков уже не настолько серьезна, как раньше, и она уже не в такой степени ассоциируется с чем-то „болезненным”. На основании примеров 11 и 13 можно прийти к выводу, что выражение *wzrostają* находит свое применение. В предложении 12, как видим, также используется метафора болезни, однако здесь эксплицитно выражается информация о том, что не нужно усугублять проблемы прошлого.

Другие типы метафор

Можно заметить, что в примерах 14–17 употребляются различные типы метафор, однако значимым здесь является тот факт, что используемые языковые средства в указанных предложениях позволяют передать информацию о достаточно сложном характере польско-российских отношений:

- (14) Nie należy też się spodziewać, że znajdziemy globalne *rozwiązanie* polsko-rosyjskiego *splotu*.
- (15) Rosjanie odrzucają takie oskarżenia. To *kość niezgody* między nami.
- (16) Natomiast dodawanie rachunków za historię do konkretnych rozliczeń finansowych, to droga donikąd.
- (17) W historii polsko-rosyjskich stosunków jest bardzo wiele *ponurych kart*.

Употребленные, например, в предложении 14 лексемы *rozwiązanie* и *splot* могут наталкивать читателя на мысль о том, что польско-российские отношения – это нечто запутанное, то есть существует некоторое сплетение, которое необходимо развязать. Это говорит о том, что в отношениях имеются слож-

ности/проблемы, и трудно найти им решение. Интересно заметить, что слово *rozwiązanie* в данном предложении может актуализировать два значения. Первое значение „rozplątać coś związanego na supeł” отсылает к метафоре „отношения – нечто запутанное”. Второе значение „znaleźć właściwe rozstrzygnięcie, wyjście z jakiejś sytuacji” обозначает, что существуют проблемы, которые требуют решения. Тем не менее автор выражает сомнение насчет того, что удастся справиться с проблемами. Данную информацию мы извлекаем из главной части предложения 14 *nie należy się spodziewać*. В предложениях 15–17 также содержится информация, что польско-российским отношениям свойственны трудности. К выражениям, способствующим выстраиванию такого образа отношений, относятся *kość niezgody, droga donikąd, ponure karty*.

Предложения со значением противопоставления

В материалах, посвященных теме Катыни, также обнаруживаются предложения со значением противопоставления. Так, например, в предложении 18 противопоставление реализуется при помощи антонимических словосочетаний:

- (18) *Katyń zamiast stać się faktem historii, faktem zbliżającym nasze narody we wspólnym duchowym przezwyciężeniu dramatu stosunków rosyjsko-polskich, faktem skłaniającym do oczyszczenia sumień, Katyń niczym pałaca tajemnica wciąż jeszcze pozostaje czynnikiem napięcia.*

Выражения *fakt zbliżający, fakt skłaniający do oczyszczenia sumień* противопоставлены выражению *czynnik napięcia*. Для создания противоположности в данном предложении служит союз *zamiast*. В словаре польского языка Витольда Дорошевского приводится следующая дефиниция для данного слова: „[...] wyraz oznaczający, że coś jest przez coś zastąpione – z uwypatnieniem zwykle kontrastu, sprzeczności z tym, co być powinno, czego można by się spodziewać, oczekiwać” (Doroszewski, электронный ресурс). Употребляя данный союз, автор предложения 18 передает мысль, что ожидания не оправдались, поскольку события закончились не так, как это предполагалось. Обратим внимание на то, что желательным является то, что описывается в первой части предложения. В ней используются лексемы *zbliżyć, duchowy, oczyszczenie*, благодаря которым можно сделать вывод, что автор заинтересован в том, чтобы отношения между Польшей и Россией улучшились. Однако, как известно, совершается то, что противопоставляется желаниям автора. Таким образом, сообщается информация о том, что отношения между двумя странами находятся в состоянии ухудшения.

Обратим внимание на следующее противопоставление, реализуемое в примере 19:

- (19) Dlatego tak wielkie moralne znaczenie miały wszystkie *kłamstwa kolejnych sowieckich rządów i dlatego też tak wielkie moralne znaczenie miały głosy tych Rosjan, którzy od lat mówili o zbrodni katyńskiej otwarciu*: Andrieja Sacharowa, Aleksandra Sołżenicyna, Wiktora Niekrasowa, Władimira Maksimowa, Natalii Gorbaniewskiej, Bułata Okudżawy. Dziś raz jeszcze wyrażamy tym ludziom podziękowanie i składamy im niski pokłon.

В данном случае роль противопоставления заключается в том, чтобы показать наличие двух сторон России: негативной и положительной. Для описания первой используется выражение *kłamstwa kolejnych rządów*, в свою очередь для второй употребляется выражение *od lat mówili o zbrodni katyńskiej otwarciu*. Иными словами, здесь выступает оппозиция „правда – ложь”. Заметим, что противопоставление также позволяет разграничить такие понятия как *советское правительство* и *русские*, тем самым выражается мысль, что данные понятия не идентичны. Необходимо обратить внимание на анафору в приведенном примере: *tak wielkie moralne znaczenie miały*. В связи с тем, что противопоставлены части предложения: в первой упоминается советское правительство, во второй упоминаются русские – можно предположить, что анафора служит для сопоставления действий власти с действиями обычных людей. При этом действия первых осмысляются негативно, действия других – положительно.

Предложения, в которых содержится информация об улучшении отношений между Польшей и Россией

Рассмотрим контексты 20–24:

- (20) Możemy oczekiwać, że jest to *początek nowej drogi* w naszych stosunkach wzajemnych. Na pewno *nie będzie ona łatwa*, musimy *oczyścić* nasze stosunki z balastu fałszu i zakłamania.
- (21) To *zapowiedź nowej jakości* w stosunkach polsko-rosyjskich.
- (22) Ujawnienie przez pana prezydenta Rosji prawdy o zbrodniach sowieckich na Polakach [Katyń] przywraca stosunkom Polaków i Rosjan *fundament prawdy* historycznej i *pozwała budować nowe zaufanie*.
- (23) Dekret w tej sprawie podpisany wczoraj przez prezydenta Borysa Jelcyna definitywnie *kończy* polsko-rosyjskie spory wokół Katynia.
- (24) *Krok do całej prawdy*.

Лексемы и словосочетания, используемые в этих контекстах, свидетельствуют о том, что, по мнению авторов статей, отношения между Польшей и Россией улучшились. Положительное представление формируется благодаря

использованию лексем *prawda, jakość, zaufanie, pojednanie*. Обращает внимание на себя тот факт, что почти во всех приведенных примерах выражается мысль о том, что отношения находятся на начальном этапе, об этом, в частности, свидетельствует лексема *nowy*, которая употребляется в примерах 20–21. В свою очередь, начальный период не гарантирует того, что отношения в дальнейшем будут выглядеть подобным образом. Так, в примере 20 эксплицитно подается информация, что нужно приложить усилия для того, чтобы отношения в будущем также были хорошими. Такая информация выражается с помощью фрагмента *nie będzie ona łatwa*. Кроме того, начальный период, характеризующийся улучшением, означает, что ранее отношениям были свойственны трудности, от которых стоит избавиться. Такая мысль подчеркивается при помощи метафоры „отношения загрязнены”, поскольку, как видим, имеется фрагмент *musimy oczyścić nasze stosunki*, при этом заметим, что в роли чего-то грязного выступает *falsz, zakłamanie*. Таким образом, все приведенные в конкретном случае примеры говорят о том, что на данный момент нет полной уверенности в дальнейшем улучшении, однако так или иначе отношения приобретают иной характер, поскольку в них наблюдается развитие. Это в свою очередь доказывает, что образ польско-российских отношений конструируется положительно.

Выводы

Проанализировав материалы „Газеты Выборча”, посвященные теме Катыни за период 1989–1999 гг., мы можем констатировать, что относительно России и польско-российских отношений складываются два противоположных представления. С одной стороны, России приписываются отрицательные черты. Россия – это преступник, должник, не выполняющий своих обязательств. С другой стороны, Россия – это страна, с которой можно сотрудничать, и она готова оказать помощь. Также имеются две точки зрения на польско-российские отношения. Согласно первой точке зрения, польско-российские отношения находятся в ухудшенном состоянии, согласно другой точке зрения, отношения начинают улучшаться и, возможно, продолжают развитие в этом направлении.

В перспективах дальнейшего исследования следует взять во внимание аспект времени. Планируется изучить, как строится образ России и польско-российских отношений на материалах „Газеты Выборча” за период 2010–2019 гг. и выяснить, появились ли какие-нибудь изменения в сравнении с периодом 1989–1999. Предполагается также обратить внимание на то, какие языковые средства используются в более позднем периоде. Думается, что благодаря такому сравнению можно выявить, поменялась ли позиция СМИ относительно проблемы Катыни.

Библиография

- Boguslavskij, Igor'. „Tol'ko li u glagolov est' diatezy?“. *Voprosy ŕzykoznanjá*, 6, 2008, s. 6–28.
- Brożyna-Reczko, Małgorzata. „O metaforze choroby w polskim i angielskim prasowym dyskursie politycznym“. *Tekst i dyskurs – Text und diskurs*, 11, 2018, s. 351–369.
- Doroszewski, Witold, red. *Słownik języka polskiego*. Web. 29.07.2019. <https://sjp.pwn.pl/doroszewski/lista>.
- Gazeta Wyborcza*. Web. 28.08.2019. <http://wyborcza.pl/0,0.html>.
- Kobozeva, Irina. *Lingvistčeskaâ semantika*. Moskva, Èditorial URSS, 2000.
- Lakoff, Dżordż, Mark Dżonson. *Metafory, kotorymi my živëm*. Per. Anatolij Baranov. Moskva, Èditorial URSS, 2004.
- Lâpun, Svetlana. „Metaforičeskaâ ocenočnosť v gazetnom tekste“. *Izvestiâ Űžnogo federal'nogo universiteta. Filologičeskie nauki*, 1, 2008, s. 102–113.
- Mihalëva, Ol'ga. *Osnovy teorii komunikacii: specifika manipulâtivnogo vozdejstviâ v političeskom diskurse*. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta, 2009.
- Narodowy korpus języka polskiego*. Web. 15.07.2019. <http://www.nkjp.pl/>.
- Sobieraj, Katarzyna et al. „Walka o euro: metafory i ramy metaforyczne w informacjach prasowych na temat kryzysu w strefie euro“. *Tekst i dyskurs – Text und diskurs*, 8, 2015, s. 213–233.
- Szewczyk, Anna. „Funkcje metafor potocznych w tekstach prasowych o polityce“. *Oblicza komunikacji. T. 2. Ideologie codzienności*. Red. Tomasz Piekot, Marcin Poprawa. Wrocław, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2009, s. 119–126.